

Государства выбирают стратегию поведения¹

Н. Г. Заславская

Для цитирования: Заславская Н. Г. Государства выбирают стратегию поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 3. С. 322–329. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.308>

Актуальность и несомненная научная и практическая значимость изучения международных отношений определили популярность международных исследований в мире. Ученые из самых разных стран изучают общие и частные проблемы развития международных отношений. Российские исследователи относительно недавно присоединились к мировым научным дискуссиям. Конечно, это не означает, что в нашей стране международные отношения не изучались. Но эти исследования проходили параллельно с мировыми тенденциями. Политическое и идеологическое противостояние, в котором участвовал Советский Союз, повлияло на научную деятельность, ограничило возможности участия в развитии теоретических концепций, предлагаемых западными учеными, фактически привело к изоляции советской науки в этой области. В то время как западные исследователи были заняты «большими спорами», пытались обобщить знания о международных отношениях и найти наиболее точное объяснение логики их развития, советские изучали межгосударственные взаимодействия и внешнюю политику зарубежных стран, прежде всего стремясь повысить эффективность советской внешней политики. В отличие от западной ориентации на теоретическое осмысление международных отношений, советские ученые изначально были заинтересованы в практических результатах. Развитие теоретических исследований происходит прежде всего в рамках ИМЭМО, в котором в конце 60-х годов появляется сектор теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений [1, с. 260]. Кроме того, в МГИМО развиваются прикладные теоретические исследования: в середине 70-х годов там создается Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений, которая занимается серьезными прогностическими исследованиями и даже создает компьютерные модели тех или иных ситуаций в международных отношениях [2, с. 121–122]. Таким образом, в условиях изоляции у советских ученых складывались собственные традиции изучения международных отношений, поскольку они разрабатывали свои подходы и методы.

Интеграция в мировую науку о международных отношениях и адаптация к зарубежным теориям проходила непросто. В 2000 г. А. Д. Богатуров обратил внимание на проблемы развития российской политической науки, прежде всего на трудности со слепым применением западных теорий, на большое количество исследований, авторы которых искусственным образом пытались объединить зарубежные теории и российскую политическую действительность, как бы переводя «местные реалии на язык, понятный западным спонсорам и зарубежной читательской аудитории» [3, с. 197–198]. Он призвал перейти от «заимствования и освоения зарубежных разработок» к формулированию собственных теорий в результате осмысления политической реальности [3, с. 200–201]. Тему использования зарубежных теорий российскими учеными подхватил В. Е. Морозов, который отметил «готовность [российских ученых] оценивать значимость теории с точки зрения не ее содержания, а ее географического происхожде-

¹ [Рец. на книгу]: Истомин И. А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2018. 296 с.

ния» [4, с. 64]. Он объясняет это общим отношением к Западу и западным нормам, считая, что в этом проявляется «поглощенность проблемами идентичности» [4, с. 62, 64]. Получается, что на протяжении нескольких десятилетий российская наука о международных отношениях разрывалась между позитивистским представлением об универсальном характере научного знания, а значит возможности применения западных концепций, и стремлением к собственным теориям, которые основывались бы на советских традициях изучения международных отношений.

Опубликованная в 2018 г. монография И. А. Истомина «Логика поведения государств в международной политике» сочетает традиции российской науки и современные зарубежные теории, демонстрируя, что в результате одновременного использования наследия советской школы и наработок западных авторов получают действительно эффективные методологии анализа деятельности международных акторов. Автор рассматривает особенности поведения государств, факторы, определяющие их решения и итоговый выбор. Цель монографии сформулирована следующим образом: «дальнейшее органичное развитие “системы Хрусталева”, проблематизация отдельных ее элементов для углубленного их понимания, корректировки и дополнения с учетом новейших теоретических разработок зарубежного и отечественного научных сообществ» (с. 11).

В основе исследования — методика М. А. Хрусталева, которая определяет схемы поведения государств, взаимосвязь между целями и средствами внешней политики. Автор отмечает, что, несмотря на очевидные достоинства «системы Хрусталева», эта методика требует основательной детализации и объяснения того, каким именно образом были сформулированы принципы внешнеполитического анализа. Такое уточнение позволит лучше понять преимущество методики М. А. Хрусталева и более активно ее применять, при этом не только использовать уже сформулированные модели, но комбинировать и развивать их (с. 11).

Кроме того, методика внешнеполитического анализа М. А. Хрусталева носит преимущественно прикладной характер и не учитывает существующие теоретические объяснения международных отношений и деятельности государств. Вместе с тем многие теории довольно успешно объясняют поведение государств, принимаемые ими решения, значение национальных факторов и влияние международной среды. Игнорирование таких теорий сказывается на эффективности исследований деятельности государств, поскольку некоторые особенности внешнеполитических решений могут остаться без необходимого объяснения.

Надо отметить, что практически все теории международных отношений в той или иной степени анализируют поведение государств и факторы, определяющие это поведение, ведь большинство теоретиков соглашались с тем, что именно государства играют ключевую роль в международных отношениях. Рационалистические теории делают акцент на стремлении государств к максимизации собственных интересов и рациональности принимаемых решений. Конечно существуют различия и между рационалистами. Неореалисты обращают внимание на влияние международной среды, которая определяет поле для маневра, ограничивает потенциальные варианты действий государственных акторов и провоцирует их желание сбалансировать вызовы со стороны международной среды [5]. Неоклассические реалисты выделяют значение внутренних факторов, которые определяют то, каким образом воспринимаются те или иные вызовы международной среды, и в результате влияют на попытки государств сбалансировать внешние вызовы [6]. Неолибералы подчеркивают возможность максимизации интересов государств с помощью международного сотрудничества и институтов; государства готовы к издержкам, связанным с участием в международных организациях, но они ожидают в итоге остаться с прибылью; им важно знать, что конкретный проект международного сотрудничества им выгоден [7]. Конструктивисты делают акцент на вопросах идентичности государств в условиях сконструированного мира, они делятся на тех, кто считает, что государства, их идентичности, восприятие себя и других влияют на структуру и определяют характер структуры [8], и на тех, кто, наоборот, рассматривает влияние структуры на государства, их идентичности, нормы и практики [9]. Представители критической теории обращают внима-

ние на неравенство между государствами, которое проявляется в том, что доминирующим государствам удается создавать мировой порядок, отражающий их интересы, в то время, как другие государства и народы не могут добиться того, чтобы их услышали и признали их интересы.

Большое значение для расширения методологических возможностей внешнеполитического анализа имела бихевиористская революция, которая привела к появлению новых методов и позволила изучать вопросы, до того остававшиеся без ответа. В результате внешнеполитический анализ выделяется в качестве субдисциплины международных исследований. Считается, что это происходит в 1954 г. с публикацией Р. Снайдера, Г. Брука и Б. Сапина об изменениях в изучении внешней политики [10, р. 14; 11]. Дж. Розенау и его сторонники выступили за использование сравнительного анализа применительно к внешней политике [12], они полагали, что изучение отдельных кейсов внешнеполитических решений позволит накопить достаточно знаний, чтобы перейти к обобщениям и концептуальным объяснениям внешней политики. Собственно как раз в результате таких исследований Розенау создает свою модель принятия внешнеполитических решений [10, р. 18]. Среди других нововведений во внешнеполитический анализ можно вспомнить «бюрократическую политику» Г. Эллсона [13], исследование психологических аспектов процесса принятия решений и значения группового мышления И. Джениса [14], кибернетическую теорию принятия решений Дж. Стайнбрунера, построенную на сравнении процесса принятия решений с кибернетическим процессом [15], теорию двухуровневой игры Р. Патнэма, основанную на связи между национальным и международным уровнями принятия решений [16]. Следует также упомянуть развитие стратегических исследований и особую роль Т. Шеллинга, научно обосновавшего принципы стратегического поведения в условиях конфликта [17].

Несомненно, накопленный зарубежными исследователями опыт в теории международных отношений и внешнеполитическом анализе необходимо учитывать при разработке моделей анализа поведения государств на мировой арене. Если в модели М. А. Хрусталева этот опыт не использовался, то И. А. Истомин восполняет теоретический пробел и включает в свой анализ как теории международных отношений, так и теории внешней политики.

Автор начинает с теоретических аспектов анализа внешнеполитических стратегий государства. Изучая международные отношения, мы сталкиваемся с результатами стратегического выбора государств. Несмотря на наличие информации о внешнеполитических решениях, многочисленные публикации официальных документов и выступлений государственных деятелей, автор высказывает сомнения в том, что государства честно освещают свою позицию (с. 69–70). Представление о логике, которая лежит в основе принимаемых ими решений, помогает воспроизвести сам процесс их принятия.

Размышляя над сущностью стратегического поведения государства, автор делает акцент на целях, которых стремится достичь актор, имеющихся ресурсах и процессе выбора способа достижения цели. В основе рассуждений автора определение «стратегии», предложенное К. фон Клаузевицем: «...способ совмещения имеющихся целей и доступных ресурсов... для получения некоторой выгоды» (с. 20). Использование определения знаменитого теоретика войны неслучайно, поскольку представление о стратегии было заимствовано международными исследованиями из военного дела.

Выбирая между альтернативными действиями, акторы могут руководствоваться различными соображениями. Наиболее популярным объяснением этого процесса является теория рационального выбора, которая уделяет особое внимание представлению актора о своих приоритетах и интересах, в попытке максимизировать интересы актор определяет цель и принимает решения, способные обеспечить ему ее достижение. Использование теории рационального выбора представителями ведущих теоретических подходов международных отношений (неореалистами и неолибералами), которые даже стали именоваться рационалистами за свою приверженность представлениям о рациональности акторов, обеспечило популярность идеи рациональности в международных исследованиях. Однако автор критически оценивает по-

тенциал теории рационального выбора. Он отмечает, что данная теория не всегда действует даже в экономической сфере, где существуют методологические возможности определения полезности действий, а следовательно, проще оценить значение определенных ресурсов и выбрать наиболее важную цель, на достижение которой и будут направлены дальнейшие усилия с учетом их полезности. Оказывается, в процесс целеполагания могут вмешаться различные факторы, которые изменят представление о приоритетах и значении тех или иных задач (с. 22). Следует отметить, что сторонники теории рационального выбора тоже понимают упрощенный характер используемой ими аналитической конструкции и необходимость расширения круга вопросов, которые требуется проанализировать для того, чтобы понять логику принимаемых решений. Как раз в попытке концептуализировать зависимость представления о рациональности от различных факторов появляется концепция ограниченной рациональности, которая обращает внимание на нормативные, институциональные, социальные, культурные и другие рамки, которые могут заставить акторов отказаться от кажущегося наиболее полезным выбора [18; 19, p. 153–154]. Кроме рациональных действий акторы могут продемонстрировать так называемые аффективные действия. Этот вариант поведения означает быстрое реагирование на вызовы в условиях стресса и зачастую отсутствия необходимой информации. В современных условиях такое поведение встречается довольно редко. Длительные бюрократические процедуры принятия решений ограждают от возможного аффективного действия. Еще одним вариантом является традиционное поведение. Этот вариант как раз достаточно характерен для международных акторов; он предполагает выбор действий на основе стандартных процедур или по аналогии с предыдущим опытом реагирования на похожую ситуацию.

Изначально автор исходил из представления о том, что стратегия зависит от соотношения между приоритетами и возможностями (силой), считая определение К. фон Клаузевица наиболее подходящим. Но проанализировав ключевые теории международных отношений и внешней политики, объясняющие деятельность государств на международной арене, он пришел к выводу, что существуют и другие факторы, влияющие на выбор государством определенной стратегии, в частности институты и нормы, регламентирующие отношения между акторами, а также восприятие акторами международной среды. Чтобы учитывать значение дополнительных факторов, автор расширяет определение стратегии, формулируя его следующим образом: «...вариант поведения, направленный на достижение предпочтительного результата в том виде, как его понимает субъект действия с учетом имеющихся у него возможностей и представлений о логике функционирования международной системы, а также установленных правил игры» (с. 70).

С учетом значения факторов, влияющих на стратегическое поведение, автор уделяет им особое внимание и рассматривает теоретические подходы, которые объясняют эти факторы и особенности их взаимодействия. В качестве первого фактора анализируется роль международных институтов. Их особенность проявляется в том, что они одновременно влияют на выбираемую государствами стратегию и развиваются под давлением со стороны государств. Не существует единой трактовки значения международных институтов. Оценка институтов зависит от конкретного теоретического подхода. Реалисты воспринимают институты как проявление власти сильных государств, способ ограничения национального суверенитета и фиксирования баланса сил (с. 92–94). Либеральные институционалисты обращают внимание на роль институтов в обобщении информации о приоритетах и ресурсах государств, что позволяет государствам артикулировать свою повестку и уточнять ее в результате международно-сотрудничества (с. 95–96). Хочется немного дополнить версию либерального институционализма, изложенную в монографии. Неолибералы отмечают особую роль институтов как инструмента решения общих проблем, поскольку именно невозможность решать проблемы в одиночку и необходимость координировать действия с другими странами заставляют государства соглашаться на ограничения их суверенитета со стороны международных институтов [20]. Конструктивисты делают акцент на роли институтов в создании общих норм и формировании представлений о роли друг друга (с. 96–97). Можно также добавить, что институты

играют ключевую роль в формировании общего знания и создании рамок для социального взаимодействия.

Следующим фактором, определяющим поведение государств, являются национальные приоритеты и процесс их формирования. Автор использует модель Хрусталева, которая базируется на предположении, что, оценивая стратегическую ситуацию, акторы определяют свои потребности, интересы, цели (с. 112). Казалось бы, логика Хрусталева соответствует рационалистическим подходам с их интерпретацией процесса целеполагания на основе интересов и приоритетов, но автор дополняет эту модель элементами конструктивизма, поскольку считает, что оценки акторов связаны скорее не с материальной действительностью, а с их восприятием реальности. Автор также отмечает сходство идеей Хрусталева о существовании «трех уровней приоритизации» с теорией секьюритизации Копенгагенской школы, так как в них рассматривается потенциальная корректировка статуса некоторых проблем или потребностей в результате изменения отношения к ним (с. 112–113).

Еще один фактор, играющий важную роль в определении стратегического поведения государств, — восприятие ими международной среды. В этом смысле автор следует конструктивистской логике, разделяя реальную среду и то, как она воспринимается государствами. Он вспоминает исследования Р. Джервиса, в которых рассматривалось «существование систематических искажений в оценке государствами своего внешнеполитического окружения». Даже рационалисты признавали возможность ошибочных решений и искаженных восприятий действительности и говорили о необходимости повышения ответственности за принимаемые решения (с. 155–156). С учетом потенциального искажения представления о действительности становится особенно важно выявить характер восприятия окружающей среды ответственными за принятие решений лицами. Для решения подобных задач обычно изучается «операционный код» руководства государств, на основе которого создаются различные поведенческие модели. Активное использование данного метода не означает отсутствия некоторых проблем, в частности он подразумевает ориентацию на статичное и целостное восприятие действительности, в то время как на самом деле мировоззрение может носить динамический и фрагментарный характер (с. 156–159).

Обращаясь к последнему фактору, влияющему на стратегическое поведение, — имеющим ресурсам или возможностям, автор сводит их до понятия «сила»: именно сила помогает достижению внешнеполитических целей и способствует усилению политического влияния (с. 185–186). Но для определения силы можно использовать разные подходы. С одной стороны, большую популярность приобрел атрибутивный подход, характерный для рационалистов, которые ориентированы на оценку различных компонентов силы, включая военные, экономические, демографические и другие ресурсы. Различные варианты данного подхода встречаются как на Западе, так и за его пределами, например, российские ученые А. Д. Богатуров и М. А. Хрусталева также предложили свои версии типологии ресурсов, определяющих влияние государств (с. 189) [21, с. 146–148]. С другой стороны, предлагается релятивный подход, который делает акцент на возможности использования ресурсов для оказания влияния на других акторов. Согласно данному подходу значение имеют не сами ресурсы, а их использование и потенциальная возможность изменить поведение других (с. 195).

Завершается публикация анализом стратегических решений государств в ситуации противостояния внешним вызовам, участия в международном сотрудничестве и в условиях политической конкуренции внутри государства. Рассматривая поведение государств в условиях конфликта, автор опять использует разработки М. А. Хрусталева, выделившего три основных типа реакции государства на внешние вызовы: давление, маневрирование и выжидание, но вносит в данную модель небольшую корректировку, заменив «маневрирование» на «аккомодацию» (с. 209). Согласно Хрусталеву, маневрирование предполагает «убеждение и поиск компромисса», при этом государство может пойти навстречу противнику или даже изменить свои первоначальные задачи [21, с. 156]. Предложенная автором «аккомодация» тоже означает сотрудничество с оппонентом и возможность уступок. Содержательная разница между двумя терми-

нами не совсем понятна, другое дело, что «аккомодация» ближе к аналогичному английскому термину. Анализ поведения государств в условиях сотрудничества также основан на модели Хрусталева, предполагающей четыре стадии международного сотрудничества: (1) консультацию, (2) координацию, (3) коалицию и (4) интеграцию (с. 242). Собственно многие исследователи, включая К. Дж. Холсти [22, р. 365–372], выделяли различные формы международного сотрудничества. Особенностью подхода автора является внимание прежде всего к растущим по мере развития сотрудничества обязательствам участников и снижению рисков, связанных с возможностью обмана со стороны других акторов, чем обеспечиваются более благоприятные условия для дальнейшего углубления сотрудничества (с. 242). Наконец, рассуждения по поводу влияния политического соперничества на национальном уровне на стратегические действия государства на международном уровне напоминают теорию двухуровневой игры Р. Патнэма. «Двухуровневая игра» заключается в том, что, с одной стороны, действия представителей государства на международном уровне зависят от политической ситуации в стране и степени поддержки руководства, а с другой стороны, международные обязательства, с которыми согласились руководители государства, приводят к изменениям на национальном уровне [16]. Хотя теория Патнэма не используется автором для объяснения влияния национального уровня на международный, тем не менее в монографии упоминаются другие известные авторы, рассматривавшие значение внутривнутриполитических особенностей для принимаемых внешнеполитических решений, например, Р. Швеллер и Э. Моравчик (с. 271–272).

Подводя итоги, хочется подчеркнуть несомненное научное значение рецензируемой публикации. Автору удалось на основе дополненной версии модели Хрусталева и теорий международных отношений и внешнеполитического анализа показать особенности выбора государствами стратегического поведения в зависимости от своих интересов, конкретных условий, особенностей восприятия себя и международной среды, а также с учетом формы взаимодействия с другими государствами. Рецензируемую публикацию обязательно следует рекомендовать к использованию в учебном процессе, например в рамках курсов по теории международных отношений, мировой политике, внешнеполитическому анализу, внешней политике конкретных государств и т. д.

Литература

1. Черкассов П. П. ИМЭМО: Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004. 572 с.
2. Хрусталева М. Две ветви ТМО в России // Международные процессы. 2006. № 11. С. 119–128.
3. Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5, № 1. С. 195–201.
4. Морозов В. Е. Вездесущая идентичность: российская политическая наука перед лицом западной гегемонии // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 62–72.
5. Waltz K. Theory of International Politics. Longrove, Ill: Waveland Press, 2010. 252 p.
6. Schweller R. L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton: Princeton University Press, 2006. 200 p.
7. Axelrod R., Keohane R. O. Achieving Cooperation Under Anarchy: Strategies and Institutions // David A. Baldwin (ed.) Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate. New York: Columbia University Press, 1993. P. 85–115.
8. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46, N 2. Spring. P. 391–425.
9. Finnemore M. National Interests in International Society. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 154 p.
10. Smith S. Theories of Foreign Policy: An Historical Overview // Review of International Studies. 1986. Vol. 12, N 1. Jan. P. 13–29.
11. Snyder R. C., Bruck H. W., Sapin B. (eds.) Foreign Policy Decision Making: An Approach to the Study of International Politics. New York: Free Press, 1962. 274 p.
12. Rosenau J. N. Comparative Foreign Policy: Fad, Fantasy, or Field? // International Studies Quarterly. 1968. Vol. 12, N 3. Sept. P. 296–329.
13. Allison G. T. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston: Little, Brown, 1971. 338 p.

14. Janis I. *Victims of Groupthink*. Boston: Houghton Mifflin, 1972. 277 p.
15. Steinbruner J. *The Cybernetic Theory of Decision: New Dimensions of Political Analysis*. Princeton: Princeton University Press, 2002. 392 p.
16. Putnam R. D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // *International Organization*. 1988. Vol. 42, N 3. Summer. P. 427–460.
17. Schelling T. C. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 309 p.
18. Simon H. A. Human Nature in Politics: The Dialogue of Psychology with Political Science // *American Political Science Review*. 1984. Vol. 79. P. 293–304.
19. Monroe K. R. Paradigm Shift: From Rational Choice to Perspective // *International Political Science Review*. 2001. Vol. 22, N 2. P. 151–172.
20. Nye J. S. Collective Economic Security // *International Affairs*. 1974. Vol. 50, N 4. Oct. P. 584–598.
21. Хрусталеv М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект пресс, 2018. 224 с.
22. Holsti K. J. *International Politics: A Framework for Analysis*. 7th ed. Englewood Cliffs: Prentice Hall International, Inc., 1995. 399 p.

Статья поступила в редакцию 5 июня 2018 г.
Статья рекомендована в печать 26 июня 2018 г.

Контактная информация:

Заславская Наталья Генриховна — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.zaslavskaia@spbu.ru

References

1. Cherkassov P. P. *IMEMO: Portret na fone epokhi [IMEMO: Portrait on the background of the era]*. Moscow, Ves' mir Publ., 2004. 572 p. (In Russian)
2. Khrustalev M. Dve vetvi TMO v Rossii [Two branches of IRT in Russia]. *Mezhdunarodnye process*, 2006, no. 11, pp. 119–128. (In Russian)
3. Bogaturov A. Desiat' let paradigmy osvoeniia [Ten years of development paradigm]. *Pro et Contra*, 2000, vol. 5, no. 1, pp. 195–201. (In Russian)
4. Morozov V. E. Vezdesushchaia identichnost': rossiiskaia politicheskaia nauka pered litsom zapadnoi gegemonii [Omnipresent identity: Russian political science facing Western hegemony]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 3, pp. 62–72. (In Russian)
5. Waltz K. *Theory of International Politics*. Longrove, Illinois, Waveland Press, 2010. 252 p.
6. Schweller R. L. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton, Princeton University Press, 2006. 200 p.
7. Axelrod R. and Keohane R. O. Achieving Cooperation Under Anarchy: Strategies and Institutions. David A. Baldwin (ed.). *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate*. New York, Columbia University Press, 1993. 375 p.
8. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 2, Spring, pp. 391–425.
9. Finnemore M. *National Interests in International Society*. Ithaca, Cornell University Press, 1996. 154 p.
10. Smith S. Theories of Foreign Policy: An Historical Overview. *Review of International Studies*, 1986, vol. 12, no. 1, Jan., pp. 13–29.
11. Snyder R. C., Bruck H. W. and Sapin B. (eds.). *Foreign Policy Decision Making: An Approach to the Study of International Politics*. New York, Free Press, 1962. 274 p.
12. Rosenau J. N. Comparative Foreign Policy: Fad, Fantasy, or Field? *International Studies Quarterly*, 1968, vol. 12, no. 3, Sep., pp. 296–329.
13. Allison G. T. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Boston, Little, Brown, 1971. 338 p.
14. Janis I. *Victims of Groupthink*. Boston, Houghton Mifflin, 1972. 277 p.
15. Steinbruner J. *The Cybernetic Theory of Decision: New Dimensions of Political Analysis*. Princeton, Princeton University Press, 2002. 392 p.

16. Putnam R. D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*, 1988, vol. 42, no. 3., Summer, pp. 427–460.
17. Schelling T. C. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1980. 309 p.
18. Simon H. A. Human Nature in Politics: The Dialogue of Psychology with Political Science. *American Political Science Review*, 1984, vol. 79, pp. 293–304.
19. Monroe K. R. Paradigm Shift: From Rational Choice to Perspective. *International Political Science Review*, 2001, vol. 22, no. 2, pp. 151–172.
20. Nye J. S. Collective Economic Security. *International Affairs*, 1974, vol. 50, no. 4, Oct., pp. 584–598.
21. Khrustalev M. A. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaia ekspertiza* [Analysis of international situation and political expertise]. Moscow, Aspekt press, 2018. 224 p. (In Russian)
22. Holsti K. J. *International Politics: A Framework for Analysis*. 7th ed. Englewood Cliffs, Prentice Hall International, Inc., 1995. 399 p.

Author's information:

Natalia G. Zaslavskaya — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 190034, Russian Federation; n.zaslavskaia@spbu.ru